

Серія II. № 3.

Петроградъ,
1914 г.

ИЗВѢСТІЯ

состоящаго подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА покровительствомъ

Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи
въ историческомъ, археологическомъ, лингвистическомъ и
этнографическомъ отношеніяхъ.

Содержаніе: Извлеченіе изъ протоколовъ 1913 и 1914 гг. Отчеты Комитета за 1912 и 1913 г.г. — Rapport sur la mission de M. Robert Gauthiot au Pamir, 1913. — Отчетъ профессора Р. Готіо и И. И. Зарубина по командировкѣ на Памиръ лѣтомъ 1914 г. — Отчетъ о второмъ путешествіи къ уйгурамъ С. Е. Малова. — Вторая поѣздка въ Предбайкалье лѣтомъ 1913 года Б. Э. Петри. — Отчетъ по поѣздкѣ къ тюркскимъ племенамъ долины р. Абакана лѣтомъ 1913 года С. Д. Майнагашева. — Отчетъ по поѣздкѣ къ тюркскимъ племенамъ Минусинскаго и Ачинскаго уѣздовъ Енисейской губ. лѣтомъ 1914 года С. Д. Майнагашева. — Отчетъ о поѣздкахъ къ тунгузамъ и ороченамъ Забайкальской области въ 1912 и 1913 г. г. С. М. и Е. Н. Широкогоровыхъ. — Отчетъ о поѣздкѣ къ бурятамъ Иркутской губерніи лѣтомъ 1913 года Б. В. Вампилуна. — Отчетъ о поѣздкѣ въ Якутскую область лѣтомъ 1911 года А. Н. Никифорова.

Série II. № 3.

Petrograd,
1914.

BULLETIN

publié par le

Comité Russe de l'Association Internationale pour l'exploration
historique, archéologique, linguistique et ethnographique de
l'Asie Centrale et de l'Extrême Orient,

sous le Haut Patronage de Sa Majesté l'Empereur.

Sommaire: Extraits des procès-verbaux pour 1913 et 1914. — Compte-rendu du Comité pour les années 1912 et 1913. — Rapport sur la mission de M. Robert Gauthiot au Pamir, en 1913. — Rapport sur la mission de MM. R. Gauthiot et J. Zarubin au Pamir, au cours de l'été 1914. — Rapport de M. Malov sur son deuxième voyage au pays des uigurs. — Deuxième voyage de M. Petri en Cisbaïkalie, au cours de l'été 1913. — Rapport de M. Majnagašev sur son voyage chez les tribus turques des districts de Minusinsk et d'Ačinsk, gouv-t de l'Eniseï, au cours de l'été 1914. — Rapport de M. et M-me Širokogorov sur leurs voyages chez les tungs et les oročons de la Transbaïkalie, en 1912 et 1913. — Rapport de M. Vampikou sur son voyage chez les buriats du gouv-t d'Irkutsk, au cours de l'été 1913. — Rapport de M. Nikiforov sur son voyage dans la région de Jakutsk, au cours de l'été 1911.

ИНСТИТУТА
ВЪСТАНОВЛЕНІЯ
Академіи Наукъ
СССР

Отчетъ А. Н. Никифорова о поѣздѣ въ Якутскую область лѣтомъ 1911 г.¹⁾

Весною 1911 года, рѣшивъ на лѣто съѣздить на свою родину въ Якутскую область, я пожелалъ использовать свою поѣздку для собиранія матеріаловъ по народному творчеству якутовъ и въ особенности добыть матеріалы по шаманству, обряды котораго по понятнымъ причинамъ за послѣднее время изъ года въ годъ безвозвратно выводятся изъ употребленія и забываются.

Выѣхавъ изъ Петербурга 11 мая въ качествѣ участника студенческой экскурсіи, организованной «Обществомъ изученія Сибири и улучшенія ея быта», я въ свое родное селеніе Хордоѳоі, находящееся около почтово-пароходной пристани на р. Ленѣ Рассолоды на 40 верстъ выше г. Якутска, прибылъ только 13 іюня. Это самая глухая пора въ краѣ, потому что сношенія, въ особенности дальнія, замираютъ какъ въ виду скорого начала покосной страды и связанныхъ съ этимъ приготовленій, такъ и въ виду вообще лѣтняго времени, когда только богатые имѣютъ надобность и возможность держать у себя верховыхъ лошадей, и то въ очень ограниченномъ числѣ, дабы на зиму имѣть побольше лошадей, нагулявшихъ себѣ за лѣто на свободѣ много жиру, значить, и силы. Всѣхъ знакомыхъ, которые могли помочь мнѣ своею освѣдомленностью о нахожденіи шамановъ, я разспрашивалъ и сообщалъ имъ о своемъ желаніи видѣть и говорить съ шаманами о старинной якутской вѣрѣ и записывать ихъ слова и заклинанія. Это имъ казалось страннымъ, и они недоумѣвали, кому и для чего понадо-

1) Настоящій отчетъ является посмертной работой Алексѣя Никифоровича Никифорова, даровитаго якута, окончившаго юридическій факультетъ Петроградскаго Университета и вскорѣ (въ мартѣ 1916 г.) умершаго въ Томскѣ отъ чахотки. Редакція «Извѣстій» проситъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи какіе-либо этнографическіе матеріалы покойнаго А. Н., сообщить таковыя ей для напечатанія.

билось все это. Я старался разсѣять отгѣнокъ подозрѣнія, чувствовалъ въ этихъ вопросахъ, и давать вразумительное для нихъ разъясненіе о смыслѣ и значеніи предполагаемой работы. Свѣдѣнія о шаманахъ, иногда не совсѣмъ опредѣленные и точныя, стали послѣ этого понемногу набираться.

Первая значительная запись, собственно не о шаманствѣ, но касающаяся древняго вѣрованія якутовъ, была произведена мною 21 іюня въ г. Якутскѣ въ домѣ интеллигентнаго якута И. С. Говорова, который, узнавъ, что я вообще интересуюсь «древностями» якутовъ, уломалъ своего не совсѣмъ сговорчиваго родственника, пѣвца и сказочника Дм. Говорова, спѣть мнѣ пѣсню сказочнаго богатыря, въ которой богатырь, отправляясь въ погоню за своей похищенной сестрой, прощается съ духомъ своего домашняго огня въ самыхъ глубоко почтительныхъ и нѣжно признательныхъ выраженіяхъ и какъ бы вручаетъ его попеченію за время своего отсутствія все свое домашнее обзаведеніе. Послѣ того какъ пѣвецъ пропѣлъ эту пѣсню, удалось уговорить его продиктовать ее для записыванія, но отъ дальнѣйшихъ услугъ для записи другихъ пѣсень онъ категорически отказался, говоря, что пріѣхалъ въ городъ специально для закупокъ на покосъ и ни за что не можетъ запоздать и отстать отъ попутчиковъ, и что если это такъ нужно, то можно бы какъ-нибудь встрѣтиться зимой, въ свободное время.

28 іюня, взявъ своего отца въ качествѣ проводника, я поѣхалъ къ шаману Цалбѣрки, который по нашимъ свѣдѣніямъ долженъ былъ проживать отъ насъ верстахъ въ 25, въ Октемскомъ наслегѣ. Такъ какъ нашъ путь лежалъ чрезъ рѣку, гдѣ не только общественнаго парома, но и частнаго перевоза на лодкѣ не имѣется, то мы поѣхали на берестяной веткѣ, хотя и было жутковато, потому что р. Лена въ этомъ мѣстѣ расширяется до 5 верстъ. По пріѣздѣ въ Октемцы, оказалось, что шаманъ нашъ еще осенью истекшаго года распродалъ свой скотъ по случаю безкормицы и на зиму уѣхалъ жить на верховьѣ отдаленной рѣчки Тіт Ёрѣх, откуда, по слухамъ, возвратится, но когда — неизвѣстно.

Стали разспрашивать про другихъ шамановъ, и удалось узнать, что недалеко, верстахъ въ 15, въ Хаксытскомъ наслегѣ живетъ пришедшая, по случаю голодовки, изъ Ботурускаго улуса семья, мать

которой — шаманка, хоть и не важная, такъ какъ, гада на картахъ, ничего почти не узнаетъ и не предсказываетъ. Тѣмъ не менѣе я рѣшилъ не упустить ее, думая, что и она дастъ что-нибудь интересное. Взявъ мѣстнаго человѣка въ проводники и верховую лошадь, на которой пришлось ѣхать съ проводникомъ вдвоемъ, отправился на поиски. Запасся бутылкой водки, такъ какъ, по компетентному мнѣнію сородичей, невозможно, чтобы какое-нибудь важное дѣло дѣлалось безъ водки, а тѣмъ болѣе моя предполагаемая бесѣда по такому необычному вопросу. Послѣ долгихъ поисковъ въ разныхъ поселкахъ, мы нашли ее не тамъ, гдѣ она должна была быть, по даннымъ намъ указаніямъ. Но и тутъ постигла насъ неудача. Хотя шаманка наша со своей семьей жила не отдѣльнымъ домомъ, но вмѣстѣ съ другой семьей, въ качествѣ цуканъ'а, — т. е. соквартиранта, занимающаго часть общей юрты, — она сразу поняла, что мы пріѣхали къ ней; поэтому она держалась настояжѣ, выжидательно и солидно, съ сознаніемъ собственного достоинства. Когда же она узнала, что мы, два неизвѣстныхъ молодыхъ человѣка, пріѣхали къ ней не отъ больного, а ради какого-то, на ея взглядъ, празднаго любопытства, то увидѣла, что обманулась въ своихъ нескрываемыхъ надеждахъ получить приглашеніе, и разсердилась. Съ видимымъ недовольствомъ она упорно отказывалась вступать въ разговоры вообще о шаманствѣ, а тѣмъ болѣе повторить заклинанія и заговоры, произносимые при камланіи. Она говорила, что даже при желаніи она не сумѣла бы «передать», находясь «въ этомъ простомъ состояніи» (ама олороммун), и предлагала намъ найти больного и позвать ее въ обычномъ порядкѣ.

Когда же мы, дѣлая послѣднее усиліе, выставили запасенную бутылку водки на столъ и опять стали упрашивать, то она нѣсколько успокоилась, смягчилась и готова была уважить просьбу, поддержанную столь убѣдительнымъ образомъ. Но тутъ выступили со злобной бранью по адресу шаманки ея мужъ и старшій сынъ и намъ испортили все дѣло. Сынъ, съ глубокомысленнымъ возмущеніемъ усматривая въ насъ какихъ-то провокаторовъ, злобно спрашивалъ свою мать: «Да ты, глупая, знаешь ли внутреннюю пестроту и наружную полосатость этихъ незнакомецевъ?» Тогда наша шаманка перемѣнила тактику и стала дѣлать видъ, какъ будто она и не думала уступать. Послѣ этого намъ оставалось только уйти.

Такая крайняя подозрительность и несговорчивость отчасти понятна, если принять въ соображеніе особое положеніе этой семьи: это — люди пришлые, проживающіе среди незнакомыхъ омуковъ (т. е. чужихъ, чужеземцевъ), и на совѣсти ихъ лежитъ тяжесть занятія дѣломъ, къ которому большинство питаетъ боязливое нерасположеніе или даже прямо мистическій ужасъ, и поэтому они отовсюду ждутъ себѣ непріятностей и разныхъ происковъ.

5 іюля я поѣхалъ въ 1-й Тылыминскій паслегъ въ сторону отъ р. Лены, верстахъ въ 60 отъ нашего селенія, къ старому шаману Оппою, который въ свое время слылъ за шамана хорошаго, «дѣйствительно имѣющаго злыхъ духовъ» (абасылах), и поражалъ всѣхъ разными своими волшебными фокусами. Онъ и теперь продолжалъ устрашать всѣхъ своимъ строптивымъ нравомъ и привычнымъ сквернословіемъ.

Оппою, вопреки обыкновенію якутовъ, и лѣтомъ проживалъ въ зимникѣ на своей уединенной маленькой елани, гдѣ было только одно его жилье, такъ что найти его было довольно трудно, несмотря на то, что мой проводникъ былъ человѣкъ, привыкшій разбираться въ таежныхъ тропинкахъ. Мы застали его совершенно голымъ, безъ рубашки и безъ прикрытія лежащимъ на переднемъ оронѣ, т. е. на неподвижномъ прилавкѣ у стѣнки юрты. Когда за нами прихлопнулась наклонная дверь юрты, онъ, встрепенувшись, быстро присѣлъ, выкрикнувъ залпомъ кучу вопросовъ: «Кто? откуда? куда? зачѣмъ?» и принялъ напряженно вопросительную позу, лихо приподнявъ голову и съ нетерпѣливымъ интересомъ пріоткрывъ ротъ. Онъ былъ слѣпой и глуховатый, но плотный и бодрый старикъ. Догадавшись изъ отвѣта, что мой проводникъ — человѣкъ ему извѣстный, зять одного богача, и узнавъ отъ него, что я обучаюсь въ столицѣ и, значитъ, по его представленіямъ — будущій чиновникъ, онъ сталъ помягче и почтительнѣе. Оппою оказался очень сговорчивымъ, но, къ сожалѣнію, въ отвѣтъ на просьбу продиктовать заклинанія, произносимыя при камланіи, онъ объяснилъ, что это невозможно сдѣлать въ простомъ, обычномъ состояніи. Во время дѣйствительнаго камланія это легко потому, — разъяснялъ онъ дальше, — что тогда «повторяешь только готовое за голосомъ, говорящимъ за затылкомъ». Поэтому онъ пропѣлъ только одно коротенькое заклинаніе при выпроваживаніи злого духа, засѣвшаго въ больномъ, которое и записано мною.

Затѣмъ со словъ Оппојо записано около 6-ти страницъ разныхъ отрывочныхъ свѣдѣній по шаманству, напр., о томъ, какъ онъ сдѣлался шаманомъ, о бѣлыхъ шаманахъ, имена главныхъ абасы, о ритуалѣ ковки желѣзныхъ частей костюма и т. под. Костюмъ его былъ очень старинный и богатъ разными привѣсками, но такъ какъ онъ представленъ въ музей Антропологии и Этнографии и описанъ особо, то здѣсь на его подробностяхъ я не останавлиюсь. Въ цѣнѣ на костюмъ въ первый разъ мы сошлись было на 28 рубляхъ, но у меня оказался недохватъ въ деньгахъ; тогда рѣшили, что я еще приѣду къ нему въ другой разъ передъ ярмаркой на Рассолодѣ, къ 21 іюля, и къ тому времени онъ, можетъ-быть, найдетъ сказать что-нибудь новое.

Когда я въ назначенное время 21 іюля приѣхалъ къ Оппојо во второй разъ, то оказалось, что шаманъ съ женой ушелъ побираться по наслегу, оставивъ дома свою единственную дочь и ея мужа, которые работали на покосѣ. Оставшись переночевать за позднимъ временемъ, я старался соснуть, но новая обстановка и голодные блохи дѣлали мои усилія тщетными, и потому я съ разсвѣтомъ поспѣшилъ поѣхать вслѣдъ за Оппојо. Когда я догналъ его въ одномъ домѣ верстъ за 7, то онъ даже напустилъ на себя видъ, какъ будто и забылъ, что я долженъ былъ по уговору приѣхать за костюмомъ, и заявилъ, что костюмъ уже проданъ одному начинающему шаману. Въ общемъ онъ сталъ вести неподступную тактику и совершенно убѣгалъ отъ меня въ другой домъ. Я догадываюсь, что вретъ, чтобы цѣну надбавить, и, дѣлать нечего, прибавляю, но онъ и слышать не хочетъ, повторяя, что уже костюма нѣтъ. Пришлось ни съ чѣмъ возвратиться къ себѣ, обдумывая новый планъ воздѣйствія на него черезъ его богатыхъ патроновъ. Это все-таки удалось въ послѣдствіи, въ третью поѣздку 10 августа, послѣ того какъ Оппојо своему подговоренному мною патрону далъ слово продать костюмъ за 35 рублей съ придачей четверти водки. Въ отношеніи пополненія матеріаловъ Оппојо и на этотъ послѣдній разъ не оказалъ большихъ услугъ и только успѣлъ кое-какъ назвать принадлежности костюма и затѣмъ, не утерпѣвъ, несмотря на просьбы повременить, напился допьяна, откровенно заявляя, что онъ больше радъ водкѣ, чѣмъ деньгамъ, и безъ нея бы не далъ костюма.

Продолжая разспросы о шаманахъ, я между прочимъ узналъ, что въ мартѣ текущаго года недалеко отъ насъ, верстахъ въ 10-ти, было

шаманское камланіе надъ больной глазами съ приношеніемъ въ жертву скотины и что заготовленная тогда обстановка, выброшенная послѣ употребленія въ глухой лѣсъ, должна еще лежать тамъ въ цѣлости и сохранности. Тогда я нарочно отыскалъ одного толковаго участника того жертвоприношенія, якута Н. Никифорова (по прозванію Нѣннѹр). Съ нимъ 20 іюля мы разыскали въ лѣсу, поодаль отъ зимника, гдѣ происходило камланіе, кучу выброшенныхъ принадлежностей жертвоприношенія. Здѣсь же, на мѣстѣ находки, Нѣннѹр, по моей просьбѣ, расположилъ эти принадлежности въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ были во время камланія, и послѣ этого я по порядку закрѣпилъ названія на бумагѣ. Въ комплектъ, взятый нами здѣсь, входили слѣдующія вещи: 9 штукъ дощатыхъ изображеній разныхъ птицъ; изображающій двуглавое существо столикъ объ одной ножкѣ, на которой вертится, какъ на оси, модель лодки съ парусомъ и съ изображеніемъ рулевого и гребца; длинная пестрая бечевка изъ конской гривы съ 18 (продѣтыми между утками бечевки) пучками бѣлыхъ волосъ изъ гривы; 9 палочекъ, изображающихъ рыбъ съ обратными чешуями, и, наконецъ, отрѣзокъ верхней «лицевой» части шеста, изображавшаго коновязь. Въ виду неудобства перевозки, прочія принадлежности обстановки пришлось оставить на мѣстѣ, именно: 9 лиственничныхъ шестовъ съ нетронутой корой, длиною сажени въ полторы, которые служили подставками для 9 птицъ, и 9 свѣже-срѣзанныхъ молодыхъ лиственницъ съ полными нетронуемыми кронами, которыя втыкались попеременно, чередуясь съ 9 птицами, вытянутыми одна за другой, начиная послѣ первой птицы.

Далѣе, со словъ Нѣннѹр'а, были записаны названія и распорядокъ предметовъ, необходимыхъ при камланіи для убранства стола, и которыхъ на мѣстѣ не оказалось, такъ какъ они, представляя нѣкоторую цѣнность, не выбрасываются, какъ ненужное. Взятые принадлежности доставлены въ Музей Антропологии и Этнографіи.

23 іюля, когда на Рассолодѣ открылась ярмарка сплавщиковъ товара по р. Ленѣ, я нашелъ тамъ шамана Цалбѣрка, т. е. того самаго, за которымъ я ѣздилъ 28 іюня въ Октемскій наслегъ. Заставъ его не совсѣмъ трезвымъ и не удовлетворившись его сообщеніями объ именахъ абасы, т. е. злыхъ духовъ, я заручился его обѣщаніемъ, что если я поѣду къ нему въ Октемцы, то онъ къ тому времени

успѣть отрезвиться и скажетъ все, что знаетъ относительно шаманства, и, кстати, покажетъ свой костюмъ и бубенъ. Теперь же онъ торопился, чтобы не упустить своихъ спутниковъ, тѣмъ болѣе что его ждали дома неотложныя сѣнокосныя работы. Хотя и было страшновато на берестяной веткѣ, но на этотъ разъ черезъ рѣку я отправился безъ взрослого проводника, такъ какъ стояла покосная страда, и взялъ съ собой напросившагося подростка-ученика Семенчика, который, кстати, могъ бы при записываніи помогать и самъ приглядывать и интересовываться. По приѣздѣ оказалось, что у нашего шамана есть только бубенъ и немного желѣзныхъ частей отъ костюма, для обзаведенія же полнымъ костюмомъ Цалбѣрка, по бѣдности, не могъ достать ровдуги. Бубенъ — большой, звучный, и на крестовинѣ его завязаны бѣлые волосы отъ конской гривы, откуда шаманъ, по приходѣ въ домъ для камланія, беретъ пучокъ и бросаетъ въ огонь въ качествѣ гостинцевъ духу домашнего очага. Этотъ фактъ интересно сопоставить съ данными литературы¹⁾, по которымъ налчіе бѣлыхъ волосъ принимается какъ признакъ принадлежности бубна бѣлому шаману, тогда какъ нашъ Цалбѣрка являлся обыкновеннымъ чернымъ шаманомъ.

Здѣсь отъ Цалбѣрка мною записаны были свѣдѣнія, нужныя для описанія бубна, обрядности приготовленія его, въкоторыя свѣдѣнія о посвященіи шамана; затѣмъ отъ него же получены свѣдѣнія о внѣшней обстановкѣ цалбыѣ, т. е. чина предварительнаго камланія падъ больнымъ, чтобы установить, какимъ абасы (злой духъ) одержимъ больной, согласенъ ли онъ, абасы, принять жертвы, и если да, то какую скотину и когда требуется. При этомъ Цалбѣрка обычно обращается къ духу огня, проклиная передъ нимъ свою несчастную судьбу, подчеркивая этимъ какъ бы безкорыстіе и самоотверженіе своего труднаго шаманскаго служенія, и призываетъ на помощь въ предстоящемъ дѣлѣ всѣхъ своихъ предковъ-шамановъ, числомъ и пменами которыхъ онъ очень гордится. Отъ Цалбѣрка приобрѣтенъ мною его бубенъ, который доставленъ въ Музей Антропологии и Этнографіи.

1) Ср. В. Ф. Троцанскій. Эволюція черной вѣры (шаманства) у якутовъ (Каз. 1902), стр. 133.

2 августа я имѣлъ въ г. Якутскѣ встрѣчу съ пѣвцомъ-сказочникомъ и знахаремъ Олѣдо, который при случаѣ и шаманить, хотя и мало кто вѣритъ въ его шаманскую силу. Онъ, между прочимъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ на этнографическомъ вечерѣ якутскаго клуба выступалъ для демонстраціи какъ якутскій шаманъ и даже фигурируетъ на этнографическихъ открыткахъ въ качествѣ шамана. Я попросилъ его, чтобы онъ отъ начала до конца разсказалъ возможно точнѣе все, что дѣлается и говорится шаманомъ при камланіи надъ больнымъ. Онъ сдѣлалъ видъ, что согласенъ, попросилъ только повременить до другого раза, такъ какъ у него есть неотложное дѣло по залѣчиванію перелома ноги, но въ назначенный срокъ не явился, и больше я его не видѣлъ.

Время съ 3 по 5 августа я употребилъ на разыскиваніе и бесѣду съ кузнецомъ и шаманомъ Бѣтрѣнѣй, который за послѣднее время не шаманилъ и не имѣлъ костюма. О немъ я узналъ отъ одного богатаго стараго якута, какъ о замѣчательномъ мастерѣ дѣлать заклинанія и вообще разсказывать. Онъ жилъ въ Багарадскомъ наслегѣ, верстахъ въ 20 отъ г. Якутска. Нашелъ я его не дома, а за покосной работой на одномъ островѣ р. Лены. У него удалось записать довольно большой матеріалъ: заклинанія, обращенныя къ духу земли, домашнего очага, къ шаманскому богу—Кăłlănî, злему духу по имени Чуонах, и заговоръ при высѣканіи огня надъ головною сыпью ребенка. Затѣмъ записано очень интересное, многимъ неизвѣстное, преданіе о предкѣ якутовъ Омоѣоі-Бăi'ѣ, который сдѣлался шаманскимъ богомъ Кăłlănî въ наказаніе за дурное и высокомерное отношеніе къ своему зятю Äp-Ällăi'ю, очень почитаемому якутами за то, что онъ является первымъ устройтелемъ ысыах'а (т. е. весенняго кумыснаго праздника) и также зачинателемъ вообще всѣхъ техническихъ искусствъ у якутовъ, напр., кузнечнаго дѣла, умѣнья строить якутскую юрту, дѣлать чумалъ, деревянную посуду и пр. Отъ Бѣтрѣнѣй записано около 25 страницъ.

7 и 8 августа. Былъ въ 1-мъ Нерюктейскомъ наслегѣ у популярнѣйшаго изъ всѣхъ современныхъ шамановъ Хабырѣс'а, т. е. Гавріила (онъ же Хоѣѣбул и Хат-Хабырѣс). Этотъ серіозный, высокій сутуловатый старикъ, противъ моего ожиданія, оказался не надменнымъ шаманомъ, привыкшимъ внушать мистическій страхъ

окружающимъ, но самымъ простымъ и наивнымъ смертнымъ, который очень испугался меня, вообразивъ, что я, вѣроятно, приѣхалъ ни больше, ни меньше, какъ отдать его за шаманство на богомолье или даже «сослать въ Жиганскъ», такъ какъ онъ слышалъ, что всѣхъ шамановъ будутъ высылать. Онъ очень волновался и, приступая къ бесѣдѣ, какъ къ неизбежному злу, совалъ мнѣ даже деньги, умолая, чтобы я записывалъ «улучшая», дабы ему не вышло плохо. Несмотря на самыя мягкія увѣренія и успокаиванія, что ничего дурного не будетъ, онъ нѣсколько разъ спрашивалъ меня, что его ожидаетъ за шаманство.

Отъ него записаны мною имена верхнихъ и нижнихъ или, иначе, сѣверныхъ злыхъ духовъ съ указаніемъ болѣзней, посылаемыхъ ими; полный чинъ совершенія цалбыѵѵ, т. е. предварительнаго камланія; перечень предметовъ, нужныхъ при самомъ камланіи съ жертвоприношеніемъ, объясненія относительно костюма и бубна. Я записалъ также его рассказы о посвященіи его въ шаманы; о томъ, что привидѣлось ему за время суточного замиранія, которому подвергся онъ 18-ти лѣтъ въ періодъ призыванія его къ шаманскому служенію; о томъ, какъ верхніе аѵѵ (т. е. добрые духи) производили надъ нимъ анатомическое изслѣдованіе для выясненія того, созрѣлъ ли онъ для своего отвѣтственнаго шаманскаго служенія, каковое изслѣдованіе производится надъ каждымъ значительнымъ шаманомъ. Въ заключеніе онъ очень просилъ, чтобы я записалъ свѣдѣнія о его врачебной дѣятельности. Этимъ онъ, для облегченія своей участи, хотѣлъ показать, что занимается не только шаманствомъ, грѣшнымъ дѣломъ, но и врачеваніемъ страждущихъ, значить, онъ — полезный человекъ. Оказалось, что онъ — специалистъ по женскимъ болѣзнямъ и въ частности по осложненіямъ при родахъ, напр., останавливаетъ кровотеченіе заговоромъ и дуновеніемъ, вправляетъ выпавшую матку и тѣмъ спасъ 7 женщинъ, точные адреса которыхъ онъ даетъ съ просьбой справиться и убѣдиться въ его правдивости, наконецъ, онъ удаляетъ задержавшіеся послѣды.

Отправляясь къ этому шаману, я, наслышавшись объ его широкой практикѣ, не допускалъ мысли о приобрѣтеніи его костюма, такъ какъ думалъ, что онъ запроситъ баснословную цѣну или совершенно его не продастъ. Между прочимъ, какъ велика его практика, видно изъ того, что то камланіе надъ больной съ жертвоприношеніемъ, при-

надлежности котораго 20 іюля, какъ говорилось выше, были найдены нами въ лѣсу, онъ совершилъ въ разстояніи около 50 верстъ отъ своего дома. Но послѣ личнаго ознакомленія съ этимъ шаманомъ, когда я увидѣлъ, что онъ боится меня, не безъ колебаній я рѣшился использовать это обстоятельство для цѣлей науки, тѣмъ болѣе что онъ, какъ популярный шаманъ, не останется долго безъ костюма, обзаведется новымъ. Когда я попросилъ принести костюмъ, старикъ сталъ увѣрять, будто костюма нѣтъ, что его взяли люди, но видя, что я не вѣрю, онъ жалобно сказалъ своей старушкѣ: «Видимо, конецъ намъ приходится... Дѣлать нечего — тащи ужь»... Поразспросивъ названія и значенія принадлежностей костюма, я отдалъ за него, что только могъ — 23 рубля старику и старушкѣ отдѣльно 3 рубля.

При костюмѣ имѣются бубенъ, старинная женская шапка, надѣваемая шаманомъ до начала камланія, и, кромѣ того, шкурки горностая и колонка, употребляющіяся при камланіи съ жертвоприношеніемъ въ качествѣ настольной принадлежности. Этотъ костюмъ съ принадлежностями доставленъ въ Музей Антропологии и Этнографіи.

Кромѣ чисто шаманскихъ матеріаловъ, имѣются три записи о высканіи огня кресаломъ надъ ребенкомъ, страдающимъ головною сыпью. Одна изъ нихъ сдѣлана со словъ совершенно простаго человѣка, который, самъ страдая этой болѣзью до поздняго возраста, имѣлъ возможность запомнить слова заговора во время неоднократныхъ повтореній заклинанія надъ нимъ; другая — со словъ кузнеца и третья — со словъ знаменитаго знахаря-врачевателя Халкыр'а. Оба послѣдніе въ чужихъ краяхъ выдавали себя за шамановъ. Отъ кузнеца записана еще пѣсня объ ысыах'ѣ (т. е. о весеннемъ кумысномъ празднествѣ), а отъ знахаря — заговоръ при лѣченіи какой-то болѣзни, выражающейся уплотнѣніемъ и увеличеніемъ брюшной области.

У знахаря приобрѣтены еще его хирургическіе инструменты.

Всего въ общей сложности, кромѣ личныхъ наблюденій и впечатлѣній, рукописнаго матеріала имѣется около 40 страницъ текстовъ и столько же другихъ записей.
